

Лексические свойства глагола и оформление прямого дополнения в коми-зырянском языке (печорский диалект)

С. Ю. Толдова (Москва), Н. В. Сердобольская (Москва)

1. Введение

В языках мира широко распространено явление дифференцированного кодирования прямого дополнения (далее: ПД) (см. [Aissen 1998, Moravcsik 1978, Comrie 1979, Муравьева 2008]). Так, например, в ряде финно-угорских и тюркских языков существительное в позиции ПД может оформляться показателем аккузатива (винительного падежа), или же этот показатель может отсутствовать (ср. примеры (1а) и (1б)):

Удмуртский (бесермянский)¹

(1)а. Mar ot-ən š'ij-on wan'? – Š'i perepeč'.

что тот.OBL-INESS есть-VN есть есть перепечи

Что там есть покушать? – “Поешь перепечей”.

(1)б. Š'i ta perepeč'-ez.

есть этот перепечи-ACC

*Съешь эти перепечи*².

Варьирование также может выражаться в наличии / отсутствии у глагола объектного согласовательного маркера (например, в самодийских языках, в некоторых финно-угорских языках, в ряде австронезийских языков и т.п.), в инкорпорации / самостоятельном оформлении ПД (например, в некоторых палеоазиатских языках), см. [Муравьева 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011].

В ряде языков выбор оформления ПД регулируется строгими грамматическими правилами: он может определяться грамматическими характеристиками глагола (например, видовыми, см. [Tamm 2004]) или имени (например, одушевленность в испанском языке см. [Moravcsik 1978]).

Однако в большом количестве языков выбор способа оформления не подчиняется строгим правилам. Например, в пермских языках одна и та же ИГ при одном и том же глаголе может быть оформлена различным образом, в зависимости от контекста:

Удмуртский (бесермянский)

(2) Anaj-e miš'k-i-z pin'ə-j-ez / pin'ə.

мать-1SG мыть-PRT-3 ложка-OBL-ACC ложка

(Моя) мать моет ложку.

В таких языках выбор оформления ПД определяется дискурсивными факторами. Довольно часто выбор оформления связывают с референциальным статусом именной группы (см., например, [Елç 1991, Johanson 1977, Муравьева 2008]). Так, для турецкого языка в [Дмитриев 1960] указывается на то, что выбор оформления ПД зависит от определенности / неопределенности именной группы, аналогично объясняется данное явление в марийском языке ([Сереберенников 1964]). Именно этому фактору посвящено большинство современных исследований. Однако, как правило, то или иное оформление ПД является результатом взаимодействия целого ряда факторов.

В частности, как показывает материал коми-зырянского и некоторых других уральских языков (см. [Nikolaeva 2001]), на оформление ПД могут влиять некоторые семантические особенности глагола, которые являются предметом рассмотрения настоящей статьи. Материал настоящего исследования был собран в с. Еремеево Троицко-Печорского района республики Коми (печорский диалект коми-зырянского языка) в ходе лингвистических экспедиций 2002-2003 гг., которые проводились под руководством Ариадны Ивановны Кузнецовой. Все примеры, приводимые ниже, принадлежат печорскому диалекту и записаны в транскрипции.

¹ Данные удмуртского бесермянского собраны в ходе работы лингвистических экспедиций 2009–2011 гг. в д. Шамардан Юкаменского района респ. Удмуртия. Работа поддержана грантом РФФИ №10-06-00550-а.

² Пресная ватрушка с начинкой (блюдо бесермянской национальной кухни).

2. Основные правила выбора оформления ПД в коми-зырянском печорском

2.1. В коми-зырянском языке именная группа в позиции ПД может быть оформлена показателями *-əs* (3), *-sə* (4) или же выступать без специального показателя (4).

(3) *Sijə bydt-ə ruč'-jas-əs.*

она выращивать-PRS.3 лиса-PL-ACC

Она выращивает лисят.

(4) *Vok-əj pərad-i-s pu / pu-sə.*

брат-1SG валить-PRT-3 дерево дерево-ACC.3

Брат срубил дерево.

В качестве собственно показателя аккузатива (винительного падежа) в грамматических описаниях приводится показатель *-əs*. Существительные в позиции ПД могут также присоединять *-sə* – кумулятивный показатель винительного падежа и третьего лица посессора. Одна из функций данного показателя – обозначение 3-го лица посессора:

(5) *Pet'a šet-i-s soš'ed-ly bat'-ys-lyš' č'er-sə.*

Петя дать-PRT-3 сосед-DAT отец-3-GEN топор-ACC.3

Петя дал соседу топор отца.

В (5) посессор *bat'-ys-lyš'* ‘отец’ эксплицитно выражен в именной группе, и третье лицо посессора в существительном *č'er-sə* относится к нему.

Однако во многих финно-угорских языках показатели посессивности имеют целый ряд других дискурсивных функций; зачастую их употребление не связано с выражением посессивности [Прокушева 1984; Кузнецова 2001]. В данной работе мы ограничим круг внимания примерами, где показатель *-sə* не выражает посессивности³. Далее мы будем называть данный показатель посессивным аккузативом, в отличие от аккузатива на *-əs*.

2.2. По нашим данным, существует целый ряд собственно синтаксических и морфологических ограничений на варьирование оформления ПД в коми-зырянском печорском. Так, специальный показатель аккузатива обязателен, если ПД оказывается в абсолютном начале предложения, будучи линейно оторванным от глагола:

(6) *Dəram-sə / * Dəram təryt mam peslal-i-s.*

рубашка-ACC.3 рубашка вчера мама стирать-PRT-3

Мама вчера рубашку постирала.

Местоимения и имена собственные обязательно оформляются показателем аккузатива. При наличии в именной группе указательного местоимения также требуется обязательное оформление ПД посессивным аккузативным показателем *-sə*:

(7) *Vok pərad-i-s tonə sijə pu-sə / *pu.*

брат рубить-PRT-3 вон тот дерево-ACC.3 / дерево

Брат срубил вон то дерево.

Кроме того, как и в других финно-угорских языках, при отсутствии чисто формальных ограничений выбор оформления ПД может регулироваться собственно дискурсивными факторами: то или иное оформление может быть не обязательно, а предпочтительно. Исследователи коми-зырянского языка приводят два основных параметра для объяснения выбора оформления ПД: в статье [Прокушева 1984] обсуждается фактор определенности, конкретности и единичности именной группы, в работах [Бубрих 1949] и [Коми энциклопедия 1998] – одушевленность. В печорском диалекте одушевленность задает строгие правила выбора между аккузативом и отсутствием оформления. Например, одушевленные ИГ не могут оставаться неоформленными в позиции ПД (8); неодушевленные ИГ могут не оформляться (9).

³ Может возникнуть вопрос, почему мы анализируем посессивные показатели аккузатива, оставляя в стороне посессивную парадигму для других падежей (хорошо известно, что во многих финно-угорских языках посессивные показатели расширяют свою сферу употребления и могут нести те или иные дискурсивные функции). Принятое нами решение мотивируется тем, что в коми-зырянском печорском распределение посессивных суффиксов аккузатива подчиняется ряду правил и ограничений, не действующих для других падежей.

(8) Sija aʒʒ'i-s nyvka-əs / *nyvka.

он видеть-PRT-3 девушка-ACC / девушка

Он увидел какую-то девушку.

(9) Kolhoz-yn uʒal-əm bər-yn menə yst-i-s-ny

колхоз-INESS работа-NZR после-INESS я.ACC отправить-PRT-3-PL

gruz katly-ny Jer-š'an' Šantym-əʒ'.

груз поднимать-INF Сарьюдин-EGR Шантым-TERM

После работы в колхозе меня отправили с грузом в Сарьюдин до Шантыма. <После работы в колхозе меня отправили с грузом в Сарьюдин до Шантыма...>

...Mi təlyš' č'əʒ sij-əs **gruz-sə** vajal-i-m

мы месяц в.течение этот-ACC груз-ACC.3 привозить-PRT-1PL

katl-i-m.

поднимать-PRT-1PL

Мы целый месяц этот груз привозили и поднимали.

(10) Me kəsj-a aʒʒ'i-ny **mort-sə** kody təryt

я хотеть-NPST найти-INF человек-ACC.3 который вчера

otsal-i-s dəm-ny pyž.

помогать-PRT-3 чинить-INF лодка

Я хочу найти человека, который помог (нам) лодку починить.

Как одушевленные, так и неодушевленные ИГ, будучи в позиции ПД, могут оформляться посессивным аккумулятивом, ср. (9) и (10). Выбор оформления определяется референциальным статусом (в терминах [Падучева 1985]) и коммуникативным членением предложения. Примеры (8)–(10) иллюстрируют релевантность референциального статуса⁴ для выбора оформления ПД. В (8) и (9) представлены неопределенные ИГ: в (8) неопределенность задана с помощью неопределенного местоимения, в то время как в (9) она задается за счет контекста. Первое предложение примера (9) взято из текста; это предложение, где в первый раз упоминается соответствующий участник. Во втором предложении данный участник упоминается во второй раз, т.е. является определенным; в силу этого он оформляется показателем посессивного аккумулятора. Пример (10) показывает, что определенные одушевленные ИГ также оформляются посессивным аккумулятивом.

Итак, при выборе оформления ПД действуют следующие тенденции:

	одушевленные	неодушевленные
Определенные	-sə	-sə
Неопределенные	-əs	немаркированная форма

Подчеркнем, что фактор одушевленности накладывает строгие грамматические запреты, в то время как референциальный статус лишь задает тенденцию выбора маркирования ПД. (См. подробнее [Толдова, Сердобольская в печати].)

Таким образом, с одной стороны, существует целый ряд формальных правил, определяющих выбор оформления ПД. Для выявления таких правил достаточно анализа изолированных предложений. С другой стороны, в целом ряде случаев действуют дискурсивные факторы, в частности, референциальный статус именной группы. Анализ данных факторов требует обращения к контексту. То есть, как справедливо отмечают многие исследователи, выбор оформления ПД может быть адекватно описан только при обращении к анализу текста.

⁴ Точнее, в коми-зырянском печорском для выбора оформления ПД релевантны и референциальный статус, и коммуникативное членение предложения. Однако для целей настоящей статьи фактор коммуникативного членения можно не анализировать; все приводимые примеры содержат «нейтральный» контекст с точки зрения коммуникативного членения (контекст, соответствующий типу коммуникативного членения, при котором подлежащее принадлежит теме, прямое дополнение и глагол – реме). О более точной взаимосвязи данных факторов при выборе оформления ПД см. [Толдова, Сердобольская в печати].

Признавая справедливость данного утверждения, мы покажем, что исследование изолированных высказываний также может выявить некоторые существенные закономерности в оформлении ПД.

3. Лексические свойства глагола и референциальный статус ПД

Нами был проведен следующий эксперимент. Носителям языка предлагалось перевести с русского на коми простые нераспространенные предложения вида «подлежащее + глагол + прямое дополнение» (например, «Сестра сшила платье», «Отец выкопал яму», «Пастух выгнал коров» и т.д.). Среди них были предложения, различающиеся только прямыми дополнениями, и были также предложения, различающиеся только глаголами. Предложения предлагались в произвольном порядке, и допускали различную интерпретацию с точки зрения референциальных свойств ПД. Таким образом, можно было бы предположить, что выбор оформления ПД будет определяться теми или иными индивидуальными предпочтениями носителей языка. Однако оказалось, что такой выбор далеко не произволен. Для ряда предложений можно было выявить общую для всех носителей языка тенденцию в оформлении.

В некотором подмножестве высказываний, в которых различались только глаголы, а позицию ПД занимали одни и те же существительные, последние получали разное оформление:

(11)а. Vat'-əj pomal-i-s pis'mo-sə.

отец-1SG закончить-PRT-3 письмо-ACC.3

Отец закончил письмо.

(11)б. Vat'-əj giž-i-s pis'mə.

отец-1SG написать-PRT-3 письмо

Отец написал письмо.

При глаголе *romavnu* ПД чаще оформлялось показателем винительного падежа (13а) в то время, как при глаголе *gižnu* эта же именная группа преимущественно оставалась неоформленной (13б).

В связи с тем, что в данной ситуации действие других факторов исключено, остается предположить, что такая последовательность и согласованность в действиях носителей языка объясняется семантическими свойствами глаголов.

Действительно, многие исследователи указывают на то, что семантические свойства глагола могут влиять на референциальный статус его актантов. Так, например, Е. В. Падучева приводит ряд таких примеров из русского языка: предикаты *вымирать*, *водиться* и др. требуют родового статуса подлежащего; наоборот, большой класс предикатов (*ньян, здоров, в отчаянье, голоден*) исключает подлежащее в родовом статусе ([Падучева 1985: 104]). То есть, для выявления расхождений в кодировании ПД необходимо обращение к лексическим свойствам глагола.

В результате проведенного эксперимента оказалось возможным выделить следующую группу глаголов. Это пары глаголов, представляющие собой лексические конверсивы, такие как 'продать' – 'купить', и пары глаголов, обозначающие противоположно направленные действия⁵ 'надеть' – 'снять', 'вырыть' – 'закопать' и т.п.:

Класс 1 – Класс 2:	Класс 1 – Класс 2:
Построить – сломать	Завязать – развязать
Купить – продать	Найти – потерять
Налить – вылить	Копать – засыпать (яму)
Надеть – снять	Поймать – отпустить
Дать – вернуть	Зашить – порвать

При первом глаголе каждой из этих пар неодушевленные именные группы не получают оформления, одушевленные – присоединяют показатель -əs; при втором – чаще всего (но не всегда) возникает показатель -sə:

(12)а. Sija kərtal-i-s gərəd.

тот завязать-PRT-3 узел

Он завязал узел.

(12)б. Sija raž'-i-s gərəd-sə.

тот развязать-PRT-3 узел-ACC.3

⁵ Пары глаголов типа «действие» – «уничтожение результата действия» по [Апресян 1995: 290–292].

Он развязал узел.

Чем мотивируется выбор различного оформления в (12а) и (12б)? Можно ли считать, что референт имени *gərəd* в (12а) и (12б) обладает одними и теми же референциальными свойствами? Кажется, нет. Семантика глагола *kərtavnu* ‘развязывать’ предполагает, что его объект создается в результате совершения действия; следовательно, такой объект скорее всего будет интерпретировать, как обладающий неопределенным референциальным статусом (интерпретация ПД как определенного возможна только в «сильном» прагматическом контексте, например, *Он сначала не мог затянуть узел, но потом подтянул повыше веревки и завязал этот узел*). Глагол *raʒʹənə* ‘завязывать’ в примере (12б), наоборот, предполагает существование ПД до момента совершения действия (нельзя развязать узел, если он не был завязан) и, возможно, известность соответствующего участника слушающему. Аналогичным образом объясняется различное оформление в (11): в (11б) референт имени *pišʹto* создается в результате совершения действия и, видимо, интерпретируется как неопределенный, а (11а) предполагает существование референта до момента совершения действия и его (возможную) определенность.

Можно было бы предположить, что отсутствие показателя винительного падежа в рассмотренном примере связано исключительно с тем, что глаголы ‘завязать’ и ‘написать’ в одном из значений предполагают создание нового объекта, что имплицитно его неопределенный референциальный статус. Однако в паре конверсивов ‘купить’ – ‘продать’ объект существует до момента сделки; несмотря на это мы можем наблюдать аналогичную закономерность в оформлении ПД:

(13)а. **Vok nəb-i-s kerka.**

брат купить-РРТ-3 дом

Брат купил дом.

б. **Vok vuzal-i-s kerka-sə.**

брат продать-РРТ-3 дом-АСС.3

Брат продал дом.

В (13а) глагол ‘купить’ не предполагает каузацию существования референта, однако он предполагает каузацию появления нового референта в поле зрения говорящего и слушающего, то есть, имплицитно введение в дискурс нового референта. В данном примере существительное *kerka* ‘дом’ не имеет показателя винительного падежа. В (13б) референт существительного *kerka* может быть также упомянут в дискурсе впервые, однако в полученных примерах данная ИГ оформлялась винительным падежом. Это можно объяснить тем, что по экстралингвистическим причинам сообщение о продаже скорее относится к объекту, уже известному участникам коммуникации (за исключением контекста объявления, например *Продается магнитофон Sony*). Глагол ‘продавать’ предполагает знание участников коммуникации о существовании объекта продажи до момента произнесения данного высказывания, то есть объект продажи эксплицитно или имплицитно актуализован в дискурсе. Иными словами, если в (13а) глагол ‘покупать’ имплицитно вводит в дискурс нового референта, то в (13б) глагол ‘продать’ предполагает существование объекта продажи в пресуппозиции высказывания.

Сравним также следующие пары примеров:

(14)а. **Мама kišʹt-i-s jəv.**

мама налить-РРТ-3 молоко

Мама налила молоко.

б. **Мама kišʹt-i-s va-sə.**

мама вылить-РРТ-3 вода-АСС.3

Мама вылила воду.

(15)а. **Мама kətəd-i-s kəluj.**

мама намочить-РРТ-3 белье

Мама замочила белье (для стирки).

б. **Мама košʹt-i-s kəluj-sə.**

мама сушить-РРТ-3 белье-АСС.3

Мама высушила белье (после стирки).

Глагол *kišʹtunu* может означать и ‘налить’, и ‘вылить’. В отличие от ‘налить’, значение ‘вылить’ (14б) предполагает, что референт именной группы *va-sə* ‘вода-АСС.3’ упоминался в предшествующем дискурсе.

Странно звучит предложение *Я вошел в кухню, и увидел, что мама вылила воду/молоко/...*, если ранее в дискурсе не был введен участник *вода/молоко/...*, т.е. если ранее не было речи о какой-то ёмкости в кухне (стакан/кастрюля и т.д.), в которую была налита описываемая жидкость. Напротив, с глаголом 'налить' данное предложение становится естественным. Иными словами, 'налить' естественно звучит в контексте участника с неопределенным референциальным статусом, а 'вылить' – с определенным. Аналогичным образом, в (15б) предполагается существование постиранного белья до момента, описываемого в данном высказывании; (15а) звучит естественно в контексте, где участник, обозначаемый словом *kəluj* 'белье' не был введен в дискурс.

На аналогичную зависимость кодирования ПД от лексико-семантического класса глаголов в хантыйском языке указывает И. Николаева в [Nikolaeva 2001]. В данной работе высказывается предположение, что некоторое подмножество переходных глаголов может быть разбито на два класса: глаголы, которые обычно вводят в круг знаний слушающего новый объект (глаголы с семантикой 'найти', 'сварить', 'приготовить') и глаголы, которые обычно сообщают новую информацию об уже известном референте ('починить', 'искать', 'убить'). Первый тип глаголов, несмотря на наличие ПД, чаще выбирает субъектное спряжение, второй тип – субъектно-объектное.

Таким образом, предикаты, относящиеся к первому классу, а именно: 'найти', 'купить', 'поймать' и т.д., чаще всего (но не обязательно) вводят в круг знаний слушающего новые объекты. Следовательно, вне контекста ПД при таких глаголах будет интерпретироваться, как неопределенное, и получать нулевое оформление (для неодушевленных имен в коми-зырянском печорском). В широком контексте такая интерпретация может быть «зачеркнута»: например, ср. *найти кошелек – найти кошелек, который вчера потерял, купить хлеба – купить тот велосипед, который мы вчера выбрали* и т.п. Предикаты, относящиеся ко второму классу, чаще всего сообщают слушающему информацию об объекте, который уже упоминался в дискурсе или же присутствует во внеязыковой ситуации. Это глаголы типа 'потерять', 'продать', 'вернуть' и др. Такие глаголы будут, вероятнее всего, вводить именные группы с определенным референциальным статусом (существование референта именной группы, занимающей позицию ПД, входит в пресуппозицию высказываний с данными глаголами), и требовать оформления маркером *-sə*. То есть, класс глагола определяет «дефолтные» референциальные свойства именной группы, которые приписываются при отсутствии «сильного» прагматического контекста.

Уточним, что речь идет именно о подмножестве переходных глаголов, а не обо всех переходных глаголах языка, т.к. многие глаголы, по-видимому, не имеют такой дефолтной интерпретации (например, 'есть', 'пить', 'любить' и др.). Это подтверждается данными проведенного нами эксперимента: такие глаголы дают распределение (приблизительно) 50% на 50% с точки зрения выбора оформления ПД.

Данное явление может быть объяснено в терминах наличия / отсутствия в семантике глагола пресуппозиции известности объекта: глаголы первого класса имплицитно вводят в дискурс нового референта, а глаголы второго класса предполагают существование объекта в пресуппозиции высказывания. Трактовка в терминах наличия пресуппозиции в семантике глагола ставит указанные классы глаголов в параллель к отмечавшейся в литературе дихотомии между фазовыми глаголами начала и конца ситуации: конец ситуации (*Петя бросил курить*) имеет пресуппозицию, что данная ситуация имела место (*Петя курил*); начало ситуации (*Петя начал курить*) не имеет такой пресуппозиции, см. подробнее [Geurts 1999].

Заметим, что наблюдаемое явление, по-видимому, действует на стыке лексико-семантических факторов и прагматики: «дефолтные» интерпретации, описываемые выше, зависят не только от лексического значения глагола, но в значительной степени определяются естественностью соответствующей ситуации (найти известный кошелек – найти неизвестный кошелек; вылить известную воду – вылить неизвестную воду) в прагматическом контексте.

Очевидно, что связь индивидуальных лексических свойств глагола с оформлением ПД может быть выявлена только в отдельно взятых предложениях. Отсутствие контекста исключает влияние дискурсивных факторов, и такие примеры допускают различную интерпретацию с точки зрения референциального статуса ПД.

Приведенный выше материал коми-зырянского печорского убедительно показывает, что предикат может накладывать ограничения на референциальные свойства своих актантаов, и эти ограничения отражаются на поверхностном кодировании актантаов.

4. Заключение

На выбор оформления ПД в коми-зырянском печорском влияет комплекс факторов на разных уровнях языка: порядок слов, состав именной группы (наличие указательных местоимений, посессивность и др.), референциальный статус, одушевленность ПД, коммуникативное членение высказывания. Анализ кодирования ПД в изолированных предложениях позволяет выявить еще один фактор, который связан с лексико-семантическими свойствами переходного глагола. Некоторое множество глаголов образует два класса, различающиеся по «дефолтным» референциальным характеристикам, которые глагол приписывает

своему ПД (например, *потерять*: данное, *найти (на дороге)* – новое и т.д.). При отсутствии в дискурсе указания на другую интерпретацию, слушающий использует «дефолтные» установки, то есть приписывает ПД референциальный статус, характерный для данного класса глаголов. Данное явление может трактоваться, как наличие / отсутствие в семантике глагола пресуппозиции известности объекта: глаголы первого класса имплицитно вводят в дискурс нового референта, а глаголы второго класса предполагают существование объекта в пресуппозиции высказывания.

Связь референциальных свойств ПД и грамматических характеристик переходного глагола отмечалась уже не раз. В частности, можно вспомнить исследования в теории аспектуальной композиции [Krifka 1989a; 1989б], а также работы [Крылов 1984, Норрег, Thompson 1980]. Например, в предложении *Петя ест яблоко* существительное *яблоко* получает референтную интерпретацию в силу актуально-длительной временной отнесенности ситуации. Однако если поместить данную пропозицию в сферу действия глагола *хотеть* – *Петя хочет съесть яблоко* – ситуация ‘съесть яблоко’ превращается в потенциальную, и существительное *яблоко* автоматически начинает интерпретироваться, как нереперентное. Правила, анализируемые в перечисленных работах, связаны с грамматическими характеристиками глагола; в настоящей статье, напротив, речь идет о лексических характеристиках. Как было показано, наблюдаемое явление, по-видимому, действует на стыке лексико-семантических факторов и прагматики: «дефолтные» интерпретации, описываемые выше, зависят не только от лексического значения глагола, но в значительной степени определяются прагматической естественностью соответствующей ситуации.

Обозначения

PRS	настоящее время	ACC	аккузатив
PRT	прошедшее время («очевидное прошедшее» в [Бубрих 1949])	GEN	генитив («притяжательный падеж» [там же])
NPST	не-прошедшее («настояще- будущее время» [там же])	DAT	датель
INF	инфинитив	INESS	инэссив
NZR	номинализация	TERM	терминатив
VN	глагольное имя	EGR	эгрессив
1	первое лицо	SG	единственное число
2	второе лицо	PL	множественное число
3	третье лицо	OBL	косвенная основа

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. 1995. Лексическая семантика, т. 1: Синонимические средства языка. М.
2. Бубрих Д. В. 1949. Грамматика литературного коми языка. Ленинградский ордена Ленина университет им. А. А. Жданова. Ленинград.
3. Дмитриев Н. К. 1960. Турецкий язык. М.
4. Коми язык. Энциклопедия. 1998 / Под ред. Федюновой Г. В. Уральское отделение РАН, Коми научный центр. Институт языка, литературы и истории. М.
5. Крылов С. А. 1984. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 23, 1984. М. С. 124–154.
6. Кузнецова А. И. 2001. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск – Лейпциг. С. 249–259.
7. Муравьева И. А. 2008. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.) 2008. Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики. М. С. 321–421.
8. Падучева Е. В. 1985. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.
9. Прокушева Т. И. 1984. Категория определенности / неопределенности в коми языке // Тираспольский Г. И. (ред.). Взаимодействие финно-угорских и русского языков. АН СССР, Коми филиал. Сыктывкар.
10. Серебренников Б. А. 1964. О современной и древней системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания. Вып. 1. Йошкар-Ола.
11. Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. 2012. Дифференцирование маркирование прямого дополнения // Кузнецова А. И. (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М. 2012. С. 59–142.
12. Aissen J. 1998. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // CSLI Workshop ‘Is Syntax Different?’, Stanford.

13. Comrie B. 1979. Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana* 3. P. 13–21.
14. Dalrymple M., Nikolaeva I. 2011. *Objects and Information Structure*. Cambridge Studies in Linguistics, № 131. Cambridge University Press.
15. Enç M. 1991. “The semantics of specificity” // *Linguistic Inquiry*: 22.1, Winter 1991.
16. Geurts B. 1999. Presuppositions and pronouns // *Current research in the semantics/pragmatics interface*, vol. 3. Elsevier.
17. Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*: 56.2, 1980. P. 251–299.
18. Johanson L. 1977. Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement. 1977, III/2, P. 1186–1203.
19. Krifka M. 1989a. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. In Bartsch R., van Benthem J., van Emde B. P. (eds.) *Semantics and contextual expression*. Dordrecht. P 75–115.
20. Krifka M. 1989b. Nominalreferenz, Zeitkonstruktion, Aspekt, Aktionsart: Eine semantische Erklärung ihrer Interaktion // Abraham W., Janssen T. (eds.) *Tempus – Aspekt – Modus*. Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen. Tübingen. P 227–258.
21. Moravcsik E. 1978. On the Case Marking of Objects // Greenberg J. H. ed. *Universals of human language*, v.4: *Syntax*. Stanford University Press, Stanford, California. P. 249–289.
22. Nikolaeva I. 2001. Secondary topic in information structure // *Linguistics*: 39.1, 2001. P. 1–49.
23. Tamm A. 2004. Relations between Estonian verbs, aspect, and case. Doctoral dissertation. Budapest.